

ПУТЕШЕСТВУЯ ПО РАДУГЕ

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Что за венок из разноцветных телеграмм на голове у этой милой женщины по имени Милда? Смеяться или плакать ей, заживо похороненной по досадной случайности? Плакать нелегко в присутствии стольких нежданных гостей, а смеяться не хочется...

Актрисе Государственного молодежного театра Кристине Казлаускайте — исполнительнице главной роли в пьесе С. Шальтяниса и Г. Кановича «Кошка за дверью» (реж. Э. Некрошюс) и впрямь нелегко определить психологический субстрат роли, нелегко, обладая столь яркой актерской индивидуальностью, сыграть «человека из толпы», воплотить ситуацию «обычный герой в необычных обстоятельствах». Так смеяться, плакать или размышлять, почему так заурядно одинаковы напечатанные в разноцветных телеграммах слова соболезнования? Какого цвета эти печальные слова? Какого, цвета героини Кристины?

«Красным полымем заря вспыхнула...» На рассвете умирала за свободу юная Ангела, едва успев познать любовь и войну, — хрупкая девушка, опаленная ураганом баррикад. «Мы должны бороться, Каролис!» — повторяла она возлюбленному до последней минуты. Это было в спектакле «Улица Коммунаров» (авторы С. Шальтянис, С. Гелда и композитор О. Балакаускас, режиссер Д. Тамулявичюте) — музыкальной мистерии, прославляющей героев революционных битв 1919 года в Вильнюсе...

Желтое от усталости, от вечных учительских забот лицо без возраста, нелепые жесты, нервно подергивающаяся походка. На лице — застывшее недоумение: что еще выкинет этот неисправимый

Андрюс Шатас? Зачем ему королева? И куда несет его нелегкая без аттестата зрелости? Из прекрасного спектакля «Брысь, костлявая, всегда брысь!» директрисса, сыгранная Кристиной, перешла лишь с двумя героями: отец Андрюса (акт. С. Сипайтис) и Каминскас (з. а. респ. А. Шурна) на экран, именно эти герои, созданные на сцене молодежного театра, придали «Ореховому хлебу» (реж. А. Жебрюнас) иронически-пародийный настрой, в немалой мере уравновесив ностальгические настроения.

Пергаментный лик и зазубренные догмы учительницы старых времен — в телевизионном видеофильме «Земля кормилица» (реж. Б. Талачка).

Зеленая, как веселая травяная змейка, Шапе из спектакля И. Бучене «Телевизионные помехи» по пьесе венгерского драматурга К. Сакони. Юрка, в облающем, будто изумрудная чешуя, стройную фигуру, платье, жеманная и неистовая потребительница заурядных благ. Гротесковая жестокость чередуется с натурмортной яркостью. С каким вкусом существует Шапе! Что она ни делает: обглаживает косточку, поправляет чулки или следит за перипетиями детектива на телевизионном экране, все, кажется, приводит ее в восторг от своей жизненной хватки и обилия простых и приятных ощущений...

Нежная Мальвина в «Золотом ключике» и самая «голубая» (даже на фоне небесного цвета костюмов будущего) героиня «Клопа» Зоя Березкина. В этом остром и подмигивающем спектакле Д. Тамулявичюте Зоя — единственный, как и в феерической комедии Маяковского, живой человек со своей любовью и печалью. Пусть ее преданность жестокий сердеед Присыпкин оце-

нил через 50 лет, все равно она в моральном выигрыше — не коснулся ее нэпманский тлен.

Из синей дымки этнографической романтики — Петроне в пьесе Жемайте «Три любимые», поставленной Г. Падегимасом.

Портрет-шарж в фиолетовых тонах — Нина из телевизионного фильма «Карьера Личуса» (реж. Б. Браткаускас). В этот образ Кристина Казлаускайте вложила столько фантазии, что Нина из традиционной «роковой» женщины стала чем-то вроде псевдо-супер-вамп — столько в образе плотоядного жизнелюбия и откровенного издевательства над влиятельной салонной львицей.

Где же цвет солнца и опавших листьев? Оранжевой грустью светится Милда в «Кошке за дверью». О спектакле написано немало. Несомненно, что роль Милды необычна для Кристины Казлаускайте: драматурги предоставили ей возможность импровизировать до бесконечности. Милда могла стать обезличенным образом-функцией, логически объединяющим прочих, куда более живых и конкретных персонажей, могла предстать Джульеттой, тихо и скорбно увядающей в ожидании безбожно запоздавшего Ромео, а могла быть и совсем иной — сильной, ироничной, самоуверенной, тщательно скрывающей любое проявление нечестных чувств. Кристина Казлаускайте синтезировала все возможности — она сыграла Милду страдающей и неуспокоенной. Душа ее словно замерла в ожидании ласкового солнечного луча, пока отнюдь не поздно выйт ему из-за тучи — ведь «еще только первая пятница сентября». В этот день начинается действие пьесы. Актриса, под-

хватывая и усложняя метафору, показывает динамику судьбы героини. «Мы с режиссером еще раз сочинили Милду, всю ее жизнь придумали, — говорит Кристина. — В этой роли я просто не имела права создавать характер привычными внешними средствами. Это делают другие исполнители, а я боюсь идти на сцену: надо все связать воедино. Смешить тут нельзя. Надо всерьез говорить о самом главном». Внезапные гости Милды — огромное событие в ее жизни, которую молодая женщина коротает с добрым, но ворчливым отцом (акт. П. Степонавичюс). — он по привычке работников транспорта счет времени ведет на минуты. Они живут в доме, где необходим ремонт, где прогнила скамья, потому что «некому чинить и некому сидеть», и лишь сад приносит плоды, судя по наличию домашних вин. Вот и пригодилось вино — дом наполнился людьми. Однако ни бывший муж (акт. В. Багдонас), ни бывшие ученики (Милда, кстати, учительница музыки, а могла бы без ущерба для сюжета преподавать географию или физику), ни даже лесник Арлишас (акт. А. Латенас), вспоминающий маленькую Милду не иначе как облачком в выделенных мелом туфельках, — никто не может заполнить пустоту одиночества. Все они приходят со своими бедами и уходят, ничего не оставляя Милде. Кристина Казлаускайте показывает Милду обычной, но тонко чувствующей, не лишенной юмора, но без тени уже привычного в ее творчестве пародирования; задумчивой, но не мечтательной, ибо у нее вид человека, который не строит иллюзий. Можно ли, пережив смерть ребенка, ждать любви-звездпа-

да? И выдержат ли ее хрупкие плечи новые потрясения? Из-под ставшей ее «формой» приятно-вежливой сдержанности настойчиво пробивается пылкость натуры. С какой радостью откликается Милда на иллюзию всколыхнувшейся жизни! В обыденные слова роли актриса вкладывает гораздо больше, чем они в сущности значат: заботливое «Тебе что-нибудь нужно?» (бывшему мужу), веселое «Надо еще попробовать!» (Арлишасу по поводу его неудачной женитьбы), покорное «Забуду» (на его просьбу забыть все сказанное), истерическое «Приходи, а то я права умру!» (неизвестному абоненту по телефону), увеличивая драматический масштаб повествования. Роль Милды — прочный мостик к новым драматическим образам, к трагическим героиням. Недаром актриса говорит о текспировской Катарине, об Абе из пьесы О'Нилла «Любовь под вязами» («Жаль, что пияуляйцы опередили!»), размышляет, по силам ли роль фру Альвинг в «Привидениях» Ибсена, где, кстати, ее имя значится в программе спектакля...

«Вообще-то люблю играть свои противоположности. — продолжает актриса, — а вот с Милдой есть общие черты: она смеется, когда ей плохо, со мной тоже так бывает...

Не злоупотребляю ли гротеском? Может, режиссеры внушили мне, что я — комическая актриса. Конечно, гротеск должен родиться из взаимоотношений с героем, тогда он определит верный стиль исполнения».

Т. БАЛТУШНИКЕНЕ